

Vasil'jeva, Jelena Anatol'jevna

**Через семантику омонимов к "сокровенному человеку" А.
Платонова**

Opera Slavica. 2012, vol. 22, iss. 1, pp. 17-24

ISSN 1211-7676

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/125546>

Access Date: 17. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ЧЕРЕЗ СЕМАНТИКУ ОНИМОВ К «СОКРОВЕННОМУ ЧЕЛОВЕКУ» А. ПЛАТОНОВА

Елена Васильева (Градец-Кралове)

Through the Semantic of Onyms to the “Hidden Man” in A. Platonov’s Prose

Abstract:

The paper presents the analysis of the Andrei Platonov’s “Yushka” and “Foundation Pit” stories, of the author’s concept expressed by the means of naming symbolism and chronotope. The naming symbolism and chronotope are the “keys” to comprehension of Platonov’s “secret man” character, to revelation of conceptual ideas behind the writer’s creativity, implemented in the stories: the integral value of human life, of “living with all and for all”.

Key words: Yushka, Voshchev, “Foundation Pit”, “God’s fool”, “secret man”

Художественный мир А. Платонова изобилует интересными и загадочными названиями произведений: «Чевенгур», «Фро», «Джан», «Юшка» и т. д. Прием «говорящих» имен не нов для русской литературы, но у А. Платонова он обретает особое звучание.

Художественный мир писателя связан сложной системой образов-символов, которая организует собой весь текст. Причем, символика названий занимает в нем одно из важнейших мест.

Одним из доминантных образов в поэтике писателя является образ «сокровенного человека».

Словарная работа со словом «сокровенный» приближает нас к пониманию образа «сокровенного человека». Обратимся к семантике слова. «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля дает следующее толкование: «Сокровенный – сокрытый, утаенный, тайный, потайной, спрятанный или схороненный от кого». В словаре С. И. Ожегова находим: «Сокровенный – свято хранимый, тайный, задушевный». А. Платонов писал: «Человек есть тот, кем он хочет быть, а не тот, кто живет у всех на глазах». [Платонов 1921]

Итак, «сокровенный» – сокрытый, тайный, живущий глубокой внутренней жизнью.

В звучании корня -кров- невольно слышится омонимия со словом «кровь». Близки ли эти слова этимологически? «Этимологический словарь»

М. Фасмера указывает на различное происхождение слов. При разной этимологии этих слов они, однако, близки в религиозном понимании.

«Сокровенное есть принцип бытия человека. Этимологически понятие «сокровенное» происходит от славянского «кров», имеющего несколько смысловых оттенков. Во-первых, укрывание, закрывание, защита. Во-вторых, полагание предела, границы. Первый смысловой оттенок мы видим в словах «кровля», «покров», «покровитель». Второй смысловой оттенок связан с тем, что Бог для пользы самого человека полагает различные границы, пределы и по мере готовности снимает покровы с окружающего, раздвигает границы и убирает пределы.

Сокровенность предполагает не только хранящее, но и хранимое: «кровь», «сокровище». Среди безличных стихий человек должен хранить свою уникальную, Богом данную личность, образ Божий». [Богомяков 2000]

С одной стороны, «сокровенный» означает потаенный, скрытый от глаз окружающих, внутренний человек. С другой стороны, приставка со- обозначает соединение (сокровенный, т. е. одной крови со всеми и всем). Итак, «сокровенный» герой А. Платонова – это человек с «сокровищем» в душе, с «обнаженным» сердцем, чувствующий свою сопричастность ко всему в мире, «близкий всем людям по крови, по участи, по судьбе». [Кузьменко 1991: 35]

Следовательно, перед нами иноформа – «варианты похожие или мало похожие друг на друга, но обладающие несомненным внутренним единством». [Карасев 1995: 5]

Реализация иноформы «сокровенный» в тексте рассказа «Юшка» идет через символику названий и хронотоп произведения.¹

Имя «сокровенного» героя рассказа является своеобразным «ключом» к литературному образу. Литературовед В. Васильев обращает внимание на «исключительную щепетильность и точность прозаика (А. Платонова – Е. В.) в выборе номенклатурных обозначений: названий произведений, имен героев». [Васильев 1982: 181]

Итак, Юшка – «жижа, грязь, кровь»; Ефим – «благочестивый»; Дмитрий – «плодородный».

Обратимся к тексту и посмотрим, как семантика имен героя реализуется в художественной ткани рассказа.

Кроткий Юшка, которого люди называют «блажной», «непохожий», «божье чучело», «юрод негодный» – главный герой платоновского рассказа.

¹ Более подробно см.: ВАСИЛЬЕВА, Е. А. Роль символики названий в раскрытии образа «сокровенного человека» А. Платонова (на примере анализа рассказа «Юшка»). In: Dialog kultur V [elektronický zdroj]: mezinárodní vědecká slavistická konference (ed. Oldřich Richterek, Miroslav Půža). Vyd. 1. Ústí na Orlicích 2009. – 1 CD-ROM, s. 646–652.

Он, действительно, отличается от других, живет скромной обособленной жизнью, носит одежду, напоминающую «рубщице». Каждый считает своим долгом обидеть его. Несомненно, образ героя связан с фольклорным образом дурака, на что А. Платонов прямо указывает и «номенклатурными обозначениями». О фольклорном образе дурака Ю. И. Юдин пишет: «Добрый, наивный и чистый герой, желающий людям самого лучшего, попадает в положение отверженного, высмеиваемого и даже жестоко избиваемого, опять же под громкий смех». [Юдин 2006: 111] Через все эти коллизии проходит платоновский герой. Он вне общества. Но, обращаясь к онимам, мы видим двоякую природу этого образа, раскрывающуюся в сюжетно-композиционном построении произведения: тот над кем смеялись и кого поносили, одержал нравственную победу над убогим общежитием, принятым жизненным укладом. Юшку называют «юродом негодным». Юродство на Руси считалось актом христианского подвижничества, к юродивым относились с большим уважением: «Народ считает юродивых божьими людьми, находя нередко в бессознательных поступках их глубокий смысл, даже предчувствие и предвидение». [Даль, IV: 669]

Библейские реминисценции пронизывают текст произведения. Они помогают понять проблематику рассказа и его идейное содержание.

«...Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благодарите ненавидящих вас и молитесь за обижающих и гонящих вас» (от Матфея 5: 44).

Юшка радовался. Он знал, отчего дети смеются над ним и мучают его. Он верил, что дети любят его, что он нужен им, только они не умеют любить человека и не знают, что делать для любви, и поэтому терзают его. («Юшка») Н. М. Малыгина отмечает связь образа «сокровенного человека» с образом Христа. «Различные модификации образа Спасителя встречаются в произведениях писателя. [...] Отдельными элементами образа Спасителя Платонов наделяет сокровенного странника». [Малыгина 1995: 38–41]

Кротость, смирение, жертвенность, непротивление злу насилем, исключительная доброта – все эти качества Христа воплотились в герое А. Платонова.

Душа героя наполнена жертвенной, божественной любовью. Его доброта не позволяет замечать в людях плохое: «*Меня, Даша, люди любят*». «*Уйдя далеко, где было вовсе безлюдно, Юшка не скрывал более своей любви к живым существам*». Люди не давали его любви раскрыться полностью, он изливал ее всему живому, природе: «*Он склонялся к земле и целовал цветы, стараясь не дышать на них, чтобы они не испортились от его дыхания, он гладил кору на деревьях и подымал с тропинки бабочек и жучков, которые пали замертво, и долго всматривался в их лица, чув-*

ствую себя без них осиротевшим». Мысль о взаимосвязи всего живого, о цепочке добра и любви воплощена в рассказе (*«Человек и Вселенная – одно, и человек сам та же сила, которая бьется и дышит в звездах и траве...»* (А. Платонов)) [Коровина 1993: 234]

Одинокий Юшка своей жертвенной и бескорыстной любовью «согрел» и вырастил девочку-сироту. Автор рассказа осознанно «высвечивает» этапы жизненного пути той, кого призрел Юшка: «никто» – «сирота» – «девушка-врач» – «дочь доброго Юшки».

Мы считаем, что упоминание о профессии девушки-врача также значимо для понимания главной идеи рассказа. В этом также прослеживаются библейские реминисценции: Христос исцелял духовые и физические немощи людей. Исцеляющий Свет Христов вечен. «Сокровенный человек» передает его другим как величайшее достояние бытия. Юшка «светил» людям чистотой своих помыслов и искренностью поступков, и это был первый шаг к единению людей в рассказе. Девушка-врач делает второй: она видит в мрачных душах окружающих отрадный просвет (след жертвенной жизни Ефима Дмитриевича) и сама активно способствует излечению близких, «утешая больных людей, не утомляясь утешать и отдалять смерть от ослабевших». «Так всякое доброе приносит плоды добрые», – гласит Евангелие от Матфея.

Таким образом реализуется в рассказе семантика имени героя. Жизнь благочестивого Ефима Дмитриевича (от имени богини плодородия Деметры) стала благодатной почвой для семян добра, без которого не выжить обществу.

Перед смертью герой пророчески заявляет: «Я тоже всему свету нужен!». Действительно, разомкнулся привычный круг жизни, и вот зло и глумление остается между людьми, пока не появляется другой человек – девочка-сирота, выращенная Юшкой, исполняющая свой обычный врачебный долг, а также врачующая сердца и души людей. Преодоление сиротства возможно через круг добра. Н. В. Корниенко пишет: «Сирота земного шара», «круглый сирота», «член общего сиротства» – это ключевые образы-понятия, ставшие лейтмотивами платоновского мира. Сиротство у Платонова – это не только индивидуальная черта характера, но и знак-символ разрушенной целостности национальной жизни, обезбожения мира и человека. Оно равновелико «великому немому горю вселенной». [Корниенко 1998: 41–61] Непрерывный круг добра и любви способен преодолеть сиротство, вернуть людям мир и покой.

Сопоставление всех имен героя произведения дает картину незаметной праведной жизни, ставшей благодатной почвой для семян добра, проросших сотнями добрых дел «дочери доброго Юшки», «которая лечит и утешает больных, не утомляясь утешать страдание», делать добро. И тот, кто был для

всех **грязью** под ногами, стал необходим, как **кровь**. Юшка – это кровь, значительная потеря которой губительна для организма, он – воплощение добра и любви к человеку, без которой бы мир исчез.

Через символику названий концептуальные идеи творчества писателя звучат в рассказе. Идеи самоценности человеческой жизни, «жизни со всеми и для всех», взаимосвязи всего во Вселенной, реализующейся через единство труда, любви и памяти.

В произведении «Котлован» фамилией героя Воцев автор отвечает на вопросы: «Как же чувствует себя человек в этом инверсированном, богооставленном мире? Какова степень его личного участия и личной ответственности за происходящее? Сможет ли человек обрести истину в этом мире?» Исследователи предлагают различное толкование имени Воцева. Так, М. Золотонос утверждает, что «фамилия эта происходит от древнего страдательного причастия **вотчим**, что значит «**получить в отцы**». Воцев, мучающийся незнанием смысла жизни, – это человек, который принципиально получил в отцы нового идола». [Золотонос 1990: 189]

Иной круг опорных слов-ассоциаций очерчивает Е. Толстая-Сегал: по ее мнению, в фамилии Воцев «корень ассоциируется не только с **воск/вощ** (как **вощенный**), но также и с фонетически неотличимым **вообще**, что в просторечии **ваще**; с близким **вотще** или **во щи**, ср. **попал, как кур во щи** – переосмыслено из в ошип; эти добавочные смыслы взаимодействуют друг с другом, в результате получается как бы веер значений: воск/вощ – «обыденный, природный и хозяйственный материал», вообще – идея общности; связанная с вотще идея тщеты, странным образом этот спектр значений совпадает с основными семантическими и сюжетообразующими характеристиками персонажа». [Толстая-Сегал 1978: 154–155] В. П. Крючков считает связь Воцев с воск/вощ наиболее вероятной и логичной: «При этом актуализируется значение мягкий, податливый, поддающийся формовке; то есть то свойство воска, которое традиционно осознается как наиболее ему присущее». [Крючков 1998: 64]

Поиски смысла жизни героем исследователи характеризуют как «тщетные, напрасные» (Е. Толстая-Сегал, А. Харитонов). Однако Воцев обретает счастье, участвуя в убийстве активиста: *Воцев ударил активиста в лоб – для прочности его гибели и для собственного сознательного счастья....* Свойственный перевернутому миру, губительный для души смысл жизни обретает герой. И над телом Насти он *согласился бы снова ничего не знать и жить без надежды, лишь бы девочка была целой.*

Человек теряет душу, истины нет, будущего нет – таков печальный итог «Котлована», таков путь героя к себе – потеря одухотворенности. Обретение себя как человека «одухотворенного» – одна из доминантных идей писателя, особенность его конфликта, идейно-нравственной проблема-

тики его творчества. В произведении «Котлован» она показана в инверсированном виде как потеря духовности, нивелировка личности.

Дополнительные оттенки понимания символики имени главного героя произведения предлагает Е. Н. Проскурина. Она сопоставляет имя Вощева (как производное от «воск») с идеей дома-очага («Жилье спокон века занято странными людьми, от которых пахло воском») («Чевенгур») и связывает его образ с исконной традицией русской жизни, центром которой был семейный дом-очаг. Исследовательница, опираясь на архивные изыскания Н. Корниенко, в качестве доказательства своей мысли приводит пример чернового наброска под названием «Малолетний», где писатель изображает нечто вроде предыстории своего героя (имя героя наброска такое же, как и в «Котловане» – Вошев). У Вощева есть уютный дом, любимая и любящая жена. Он дорожит своим семейным счастьем и боится его потерять. [Проскурина 2001: 69] Однако повесть «Котлован» уже не содержит никакой информации о предшествующей жизни Вощева. На первой же странице герой изображен бездомным, потерянным и одиноким. Возможно, когда-то душа героя знала истину, была наполнена светом любви, а теперь «она перестала истину знать».

Н. М. Малыгина считает, что в любимом платоновском герое-страннике сосредоточены черты Спасителя. [Малыгина 1995: 38]

Действительно, возраст 30-летия, когда Вошев отправляется на поиски истины, совпадает с началом служения Христа.

А. Харитонов в своем исследовании расширяет значение этого мотива, проводя параллели со словами пророка Исайи: «Я сказал себе: в преполовение дней моих должен я идти во врата преисподней; я лишен остатка дней моих» (Ис. 38: 10).

Таким образом, исследователь актуализирует в образе Вощева мотив сошествия Спасителя в ад. [Харитонов 1995: 77]

Е. Н. Проскурина отмечает инверсированность этого мотива в произведении: «Герой, душа которого находится в том состоянии, когда «истину она перестала знать», пытается выдумать «что-нибудь вроде счастья» – в целях «улучшения производительности». Так выявляется псевдо мессианская, то есть антихристова природа начинаний Вощева, ибо «выдумывание» счастья для «улучшения производительности» есть не что иное, как инверсия, перевертыш естественной логики жизненных ориентаций». [Проскурина 2001: 81]

Исследовательница предлагает свою интерпретацию имени героя, связывая имя с состоянием пустоты, в котором пребывает платоновский мир.

«В Толковом словаре Даля слово **«вощаной»** означает **«подобный воску»**, а **«вощина»** – это **«ячейки без меду, сухие соты, сушь»**, так же как

и «**воща**», означающая «**старую, пустую вошину в улье**». [Даль, Т. 1: 249] Признание своей внутренней опустошенности как косвенная переключка с семантикой собственного имени звучит в одной из реплик героя: «*Все живет и терпит на свете, ничего не создавая, как будто кто-то один или несколько немногих извлекли из нас убежденное чувство и взяли его себе*». [Платонов 1989: 73]

Итак, поиск оставленного Дома, Вечного Града, внутренняя опустошенность, тщетность поисков истины и тщетность существования в богооставленном мире, уподобление человека эпохе актуализируются в имени главного героя повести «Котлован» и составляют основные сюжетные линии произведения.

Таким образом, «номенклатурные» (В. Васильев) названия А. Платонова маркируют собой художественное пространство произведений писателя и играют в авторской концепции важную роль. В семантике имен часто заложен ключ к пониманию авторского замысла. Семантика имен философски многопланова. Концептуальные идеи творчества писателя раскрываются через семантику антропонимов.

Образ «сокровенного» человека тесно связан с фольклорными образами странников, а также с архетипальным образом Христа.

Литература:

- БОГОМЯКОВ, В. Г.: *Кров и кровь*. <http://ihtus.tyumen.ru/27.shtml>
- ВАСИЛЬЕВ, В. В.: *Андрей Платонов: Очерк жизни и творчества*. Москва 1982.
- ДАЛЬ, В. И.: *Толковый словарь живого великорусского языка, т. 1–4, т. 4*. Москва 1981–82.
- ЗОЛОТОНОСОВ, М.: *Усомнившийся Платонов («Чевенгур», «Котлован»)*. In: Знамя 1990, № 4.
- КАРАСЕВ, Л. В.: *Онтологический взгляд на русскую литературу*. Москва 1995.
- КОРНИЕНКО, Н. В.: *Платонов* In: *Русская литература XX века. 11 класс. Учебник для общеобразовательных учебных заведений, в 2 частях, ч. 2* (Под ред. В. В. Агеносова). Москва 1998, с. 41–61.
- КОРОВИНА, В. Я.: *Литература: Учебная хрестоматия для 7 класса средней школы*. Москва 1993.
- КРЮЧКОВ, В. П.: *Вощев и его поиски вещества существования. О символическом имени главного героя повести А. Платонова «Котлован»*. In: *Литература в школе* 1998, № 7, с. 63–66.

- КУЗЬМЕНКО, О. А.: *Андрей Платонов: призвание и судьба. Очерк творчества*. Киев. 1991.
- МАЛЫГИНА, Н. М.: *Художественный мир Андрея Платонова. Учебное пособие*. Москва 1995.
- ПЛАТОНОВ, А. П. http://imwerden.de/pdf/platonov_zametki_1921.pdf
- ПЛАТОНОВ, А. П.: *Живя главной жизнью*. Москва 1989.
- ПРОСКУРИНА, Е. Н.: *Поэтики мистереальности в прозе Андрея Платонова конца 20-х–30-х годов (на материале повести «Котлован»)* Новосибирск. 2001.
- ТОЛСТАЯ-СЕГАЛ, Е.: *О связи низших уровней текста с высшими (проза А. Платонова)* In: *Slavica Hierosolymitana* 1978, Vol. 2. p. 169–212.
- ХАРИТОНОВ, А. А.: *Архитектоника повести А. Платонова «Котлован»*. In: *Творчество Андрея Платонова: Исследования и материалы*. Библиография. Санкт-Петербург 1995.